

принципе равенства как основополагающем начале гражданского права. Дело в том, что в системе принципов гражданского права его основополагающие идеи выстраиваются на началах иерархии, в которой принципы равенства и частнопредварительной свободы занимают доминирующее положение по отношению к другим принципам. Равенство основывается на частнопредварительной свободе, а частнопредварительная свобода - на равенстве. Однако, если равенство сторон выступает объективной основой гражданско-правовых отношений, то автономия воли сторон в правоотношении представляет собой объективную предпосылку формирования частнопредварительного строя, который, как писал И. А. Покровский, предполагает для своего бытия «наличность множества самоопределяющихся центров», «носителей собственной воли и инициативы», а следовательно, и особый прием, тип правового регулирования посредством юридической децентрализации [13, с. 43-44]. При таком типе регулирования частнопредварительная свобода получает субъективное выражение – действовать по своему усмотрению (ст.ст. 9, 209, 421 и др. ГК РФ). Такая свобода усмотрения вместе с тем может порождать факты злоупотребления этой свободой, а значит нарушать объективно выраженную взаимосвязь принципов равенства и частнопредварительной свободы. Поэтому ведущая роль равенства как основного начала требует установления границ частнопредварительной свободы, сдерживающих механизмов ее эгоистического проявления. Требование добросовестного поведения и выступает объективным фактором поддержания сбалансированности в проявлении принципов равенства и частнопредварительной свободы.

Однако, требование добросовестности, будучи объективным фактором формирования воли субъектов гражданского права, имеет и свою обратную субъективную составляющую – психическое отношение к своим действиям, несущим осознание (или неосознание) того, насколько эти действия совершаются с учетом ценности благ другого контрагента. В этом смысле добросовестность, не будучи явлением материального мира, а значит, и юридическим фактом, тем не менее, как и вина [10, с. 108], придает окраску действию лица, как действию неправомерному и требующему соответствующей реакции со стороны права.

Список литературы:

- Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С.49-52.
- Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. М., 2011. 1093 с.
- Богданов Е. В. Гражданское право России как регулятор экономических отношений // Законодательство и экономика. 2008. № 1. С. 29-36.
- Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 12-14.
- Вороной В. Добросовестность как гражданско-правовая категория // Законодательство. 2002. № 6. С.10-20.
- Гражданское право. В 4-х т. Т. 1. Общая часть: Учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М., 2004. 720 с.
- Диалектический материализм. Учебное пособие /под ред. А.П. Шептулина. М., 1974. 328 с.
- Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. С. 96-128.
- Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. 160 с.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права // Красавчиков О. А. Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. М., 2005. 494 с.
- Микрюков М.А. Принцип добросовестности – новым нравственным ограничителем гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. С.17-24.
- Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Научный журнал. 2006. № 1. Т. 6. С.124-181.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. 351 с.
- Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2008. 280 с.
- Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 г. № 17389/10 по делу № А28-732/2010-31/18 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11 СПС Консультант-Плюс. Судебная практика. ИБ. Решения высших судов.
- Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. М., 2012. 400 с.
- Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79-94.
- Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133-140.
- Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012 г. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. М., 1994. 562 с.
- Щенникова Л.В. Идеология гражданского законодательства // Законодательство. 2010. № 4. С. 10-13.
- Щенникова Л.В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997. № 6. С. 119-121.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ИЛИ ОПЫТ ПЕРВЫХ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Авдеев Дмитрий Александрович

канд. юрид. наук, доцент,

Институт государства и права ТюмГУ, г. Тюмень

Булатова Светлана Вячеславовна

Студентка направления «Юриспруденция», 2 курс

Институт государства и права ТюмГУ, г. Тюмень

Большинство современных государств отличает определенная степень стабильности атрибутивных признаков, речь в частности идет о внутреннем территориальном делении – форме государственного устройства, методах осуществления в нем государственной власти – политическом режиме, системе и структуре организации и деятельности органов государственной власти, принципах их взаимоотношений с населением – форме правления.

Однако, говоря об устойчивости, невозможно отрицать и постоянную динамику этих трех основных элементов формы государства, обусловленную в первую очередь непрерывным развитием и эволюцией самого государства, его «содержания». При этом изменение формы и содержания должно быть равновесным, потому как, по мысли Гегеля, «народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности» [2].

Каждое государство уникально в своем содержании – в своем пути развития, в сложившихся в нем культурных и правовых традициях, самосознании и правосознании его народа, а также в присущих ему особенностях и моделях организации публичной власти и, как следствие, формы правления. Как отмечал по этому поводу известный русский мыслитель И.А. Ильин: «Каждому народу на каждом этапе своего развития должна быть свойственна своя, особая, индивидуальная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых форм и конституций» [3, с. 23-25].

В настоящее время классическим является деление государств на две основные группы – монархии и республики. При этом, в качестве критериев такой классификации рассматривается правовое положение верховного государственного органа, способ передачи власти и политическая ответственность главы государства. Однако, как полагал Н.И. Лазаревский, «обыкновенно, различия этих двух форм правления видят в различии числа правящих: в монархии власть принадлежит одному, в республике всем, или, по крайней мере, многим» [7, с. 58].

Различия монархии о республики можно назвать довольно сомнительным, поскольку они являются некими внешними проявлениями форм государственного устройства, суть которых лежит внутри, в монархическом и республиканском правосознании народа [4, с. 465].

Целесообразность использования новой классификации доказывает и неустойчивость указанных выше критериев. Так в истории многих монархических государств, в том числе и в истории российского, часто встречается отступление от передачи власти строго по наследству несмотря на то, что это является неотъемлемым признаком монархии.

По нашему мнению, в качестве новых оснований для классификации необходимо рассматривать те, что способны отразить в себе саму сущность публичной власти в государстве, детерминировать принципы ее осуществления. Такими критериями в числе основных, по мнению Д. А. Авдеева, могут служить следующие:

- принципы управления (коллегиально или единолично осуществляется управление субъектом, которому принадлежит верховная власть);
- распределение полномочий между высшими органами государственной власти;
- наличие взаимосдерживающих полномочий между высшими органами государственной власти в отношении друг друга.

В соответствии этим признаками государства следует дифференцировать на монархические или поликратические, то есть с монархической или поликратической формой правления [1, с. 114].

Таким образом, относительная неустойчивость признаков, положенных в определение формы правления, частое несоответствие юридических положений объективной действительности вкуче с многообразием воззрений на классификацию форм правления нередко приводят к невозможности однозначного определения формы правления в отдельном государстве на определенном отрезке его истории. Особенно сложной эта задача становится, когда речь приходится вести о времени глобальных изменений в государственной структуре управления, перестройке ее или же установлении качественно новой.

Таким «темным пятном» в истории российского государства, по нашему мнению, является первые десятилетия становления власти Советов на руинах монархической России, время образования новой формы правления страны.

Время становления советской власти получил разную характеристику и периодизацию. Так, например, периодизация истории государства, предложенная О.Д. Овчинниковой, не предполагает выделения отдельных этапов за 1917 – 1936 гг. в развитие формы правления, достаточно в широких временных границах – с ноября 1917 года по март 1990 года – определяя форму правления как советскую республику [8, с. 19]. В свою очередь И.А. Исаяев проводит более частную периодизацию: Россия периода буржуазно-демократической республики (февраль – сентябрь 1917 г.); период социалистической революции и создания Советского государства (1918 – 1920 гг.); переходный период, или период нэпа (1921 – 1930 гг.); период государственно-партийного социализма (1930 – начало 1960-х гг.) [5, с. 5-6].

На наш взгляд, периодизация истории России в рамках 1917 – 1936 гг. должна отражать не сколько изменение самой формы правления, сколько поэтапную конституционализацию сохранившейся централизованной модели управления. В связи с этим в указанных временных границах можно выделить три ключевых этапа. Первый (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) ознаменовывается прелюбовительной деятельностью первых Всероссийских съездов Советов рабочих и солдатских депутатов. Второй (июль 1918 – 1925 гг.), начало которого соотносится с принятием первой Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) и окончание – с вступлением РСФСР в СССР и принятием Конституции 1925 года. Третий период (1925 – 1936 гг.) связан с влиянием общесоюзного законодательства на законодательство РСФСР, в том числе и на конституционные нормы, нашедшие свое выражение в Конституции РСФСР 1925 года.

Таким образом, как нам кажется, точкой отсчета для построения новой, советской системы управления, а так же и для первого периода конституционализации послужил II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, начавший свою работу 25 октября 1917 г. Однако, примечательным в его деятельности является не только принятие первых актов конституционного характера, изданных Советами – декретов, определивших фундаментальные вопросы направления внутренней и внешней политики молодого государства, но и создание совершенно новой системы государственных органов.

Высшим органом государственной власти до созыва Учредительного собрания провозглашался Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Был сформирован Совет народных комиссаров (СНК),

ставший правительством России. Съезд провозгласил переход власти в центре и на местах Советам, признав их единственной формой власти и избрал новый Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) [6, с. 554]. Однако новая система высших органов государственной власти окончательно смогла оформиться лишь после разгона Учредительного собрания, получив правовое закрепление в первой Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятой V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.

Первая российская конституция четко определяла политическую основу новой государственности – систему Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Высшим органом власти оставался Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Съезд избирал ответственный перед ним Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). ВЦИК формировал Правительство РСФСР — Совет народных комиссаров (СНК), состоявший из народных комиссаров, возглавлявших отраслевые народные комиссариаты [6, с. 583].

ВЦИК объявлялся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом. Он давал «общее направление деятельности» правительства и всех органов власти, издавал собственные декреты и распоряжения и рассматривал законодательные предложения правительства.

Конституция РСФСР 1918 года не признавала разделения законодательной и исполнительной властей. Функции Всероссийского съезда Советов и ВЦИК определялись в ст.49 совместно, без какой-либо попытки провести различия между ними. Кроме того, СНК фактически было подконтрольно ВЦИК, поскольку последний формировал правительство, а также за ним оставалось «последнее слово» в утверждении решений Совета народных комиссаров – все решения правительства докладывались ВЦИК, который мог отменить или приостановить любое из них.

Подобная система высших органов власти позволяла с максимальным эффектом использовать на практике тактику партийного манипулирования. Более того, В.И. Ленин считал взаимную сбалансированность различных ветвей власти вовсе необязательной в Советской республике, основанной лишь на «одной всеохватывающей силе российском пролетариате и его партии» [9, с. 118].

Законодательное отрицание принципа разделения властей, практически ничем неограниченное влияние ВЦИК, его широкая компетенция и достаточные полномочия в отношении правительства РСФСР – СНК делали его основным субъектом в государственно-властных отношениях. Справедливо можно заметить и отсутствие достойной оппозиции, что отсылает нас к мысли о сохранении прежнего, привычного для российского государства, «монархического» принципа единоначалия. С той лишь разницей, что теперь в качестве основного источника власти выступал коллегиальный орган.

Говоря о сохранении внутреннего характера модели управления, стоит упомянуть и о принципе централизации, нашедшем свое отражение в главном назначении местных Советов, которым отводилась роль проводников решений вышестоящих органов, идеологии, навязанной «сверху». В советской науке этот принцип получил наименование демократического централизма, демократическое начало которого проявлялось в широкой компетенции Советов по горизонтали. Однако, в этой связи необходимо

сделать упор именно на то, что при реализации этих полномочий главной задачей ставилось проведение в жизнь решений вышестоящих органов.

По нашему мнению, можно вести речь о том, что тесное сотрудничество и соподчиненность органов государственной власти на всех уровнях, во многом напоминает централизованную систему управления при прежде существующем монархическом строе. При этом концентрация власти внутри партии совпала с концентрацией власти в государственных органах: одни и те же люди управляли делами партии и государства. Проходил процесс перехода власти от одних центральных органов (съезда, ВЦИК) к другим, более узким (СНК), от местных органов к центральным.

Постепенно высшая власть от ЦК стала переходить к Политбюро, которое подчинило своему влиянию СНК и другие высшие государственные органы. Через Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции Центральная контрольная комиссия РКП(б) контролировала деятельность наркоматов. Борьба за власть теперь могла осуществляться лишь в правящей партии [6, с. 596].

Таким образом, именно партия, а не отдельные государственные органы, стала выполнять функции основного субъекта государственно-управленческих отношений. Фактически руководя назначением должностных лиц на основные государственные посты и имея возможность прямо влиять на их действия, Политбюро становится высшим органом власти всего государства. Вновь прослеживается сохранение принципа единоначалия, где основным властным субъектом выступает партия.

После образования СССР и вступления РСФСР как субъекта федерации в его состав высшие органы власти и управления ограничили предмет своей законотворческой деятельности кругом вопросов, отнесенных Конституцией СССР к ведению союзных республик. Структура органов государственной власти и управления сохраняется в основном неизменной, но методы их деятельности и полномочия модифицируются.

Сфера исключительных полномочий съезда Советов ограничивалась конституционными вопросами: установлением, дополнением и изменением основных начал Конституции РСФСР, а также окончательным утверждением конституций автономных республик. Ратификация мирных договоров, в том числе вопросы установления и изменения границ, отчуждения территории республики, объявления войны, которые по Конституции 1918 г. относились к ведению съезда, теперь входили в предмет совместного ведения съезда Советов и ВЦИК. Фактически ВЦИК обладал теми же правами, что и съезд, он осуществлял всю законотворческую деятельность, тем самым сохранив свое положение реального высшего государственного органа.

Обязательному рассмотрению и утверждению ВЦИК подлежали все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни страны, а также вносящие изменения в существующую практику государственных органов ВЦИК и бюджет РСФСР. Одновременно Конституция определяла Президиум ВЦИК в качестве высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа власти РСФСР и предоставляла ему право принимать законы и осуществлять иные полномочия, предоставленные ВЦИК.

Еще одним аргументом в сторону укрепления ВЦИК как основного и единственного органа управления становится подход к определению компетенции СНК, выбранный Конституцией РСФСР 1925 года. Нормотворческая деятельность правительства теперь не только была

подконтрольна ВЦИК, но и осуществлялась лишь в пределах, предоставленных последним. За ВЦИК и даже его Президиумом сохранялось право приостанавливать и отменять любые нормативно-правовые акты СНК [10].

Однако нельзя назвать ВЦИК реально независимым органом государственной власти. Фактический контроль над ним все же осуществлялся. Примечательным является тот факт, что контроль этот исходит не со стороны какого-либо равного по влиянию государственного органа, а со стороны политической партии.

Однопартийная система, сложившаяся в стране, на рубеже 20 – 30-х гг. привела к формированию тоталитарной системы власти. Партийный аппарат быстро сработался с государственным, получая монополию на осуществление власти. Система власти быстро приобретает иерархическое построение с сильным, единым центром четко диктующим направления деятельности системы в целом.

Конечно, нельзя отрицать глобальные изменения в форме правления России, произошедшие за первые десятилетия становления новой государственности и в первую очередь касающиеся системы государственных органов – разрушение старой и установление качественно новой, принятие первой в истории страны Конституции и изменение процедуры и способов образования органов публичной власти бесспорно указывают на динамичное развитие формы правления.

По нашему мнению, несмотря на изменения внешних признаков, характеризующих форму государственного правления, нельзя не упомянуть внутреннее, сущностное содержание, которое сохранило традицию централизации государственной власти и авторитарных принципов управления.

Единый центр управления сосредотачивающим в своих руках всю полноту власти, на этом отрезке истории выступал сначала Всероссийский центральный исполнительный комитет, осуществлявший полномочия провозглашенного Конституцией верховного органа – Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов; не имевший в лице Совета народных комиссаров и нижестоящих Советов реальной аппозиции, потому фактически сохранявшим статус реально властвующего верховного государственного органа; а с укреплением партийной идеологии – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), в действительности объединив партийный и государственный аппараты.

Строгая иерархия и соподчиненность государственных органов, достаточно широкие, но довольно узконаправленные полномочия, предоставляемые местным Советам, основная задача которых виделась в проведении

указов «сверху» на подчиненной территории, позволяет говорить о сильной централизации власти.

В связи с этим, мы считаем, что на протяжении первых десятилетий, становления РСФСР, в России сохранялась монархическая форма правления, основанная на принципах централизации и иерархического построения системы органов государственной власти, во главе которой находился сильный субъект государственного управления, власть которого, однако, с принятием ранее актов, издаваемых первыми Всероссийскими съездами Советов рабочих и солдатских депутатов, а позднее и Конституций РСФСР постепенно приобретала четкие рамки.

Процесс конституционализации системы власти в пределах 1917 – 1936 годов прошел три этапа, границы которых легко увязать с принятием очередных конституций. И несмотря на то, что привычные для России, «монархические» принципы управления сохранились в том или ином виде в новой модели управления, советская система организации государственной власти нашла свое отражение в установленном конституцией формате.

Список литературы:

1. Авдеев Д.А. Классификация форм правления: новый взгляд или поиск критериев. Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С.114.
2. Гегель Г. Политические произведения. М., 1978.
3. Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 23–25.
4. Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск. Издательство: Посох. 1995. С. 465.
5. Исаев И.А. история государства и права России: Полный курс лекций. М., 1994. С. 5-6.
6. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. Третье издание, переработанное и дополненное. – М.: Издательство ЮРИСТЪ. 2004. С. 554-596.
7. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. Вып. I. 4-е изд. Пг., 1917. С. 58.
8. Овчинникова О. Д. Эволюция формы правления российского государства: историко-теоретический аспект. Автореферат. Москва, 2008. С. 19.
9. Попова А.В. История государства и права России. Учебник: Под ред. Поповой А.В. М.: 2003. С. 118.
10. Тимофеева А.А. История государства и права России (1921–1928 гг.): Курс лекций. Сайт цифровых учебно-методических материалов ВГУЭС / [Электронный ресурс]: http://abc.vvsu.ru/Books/l_istgosipr2/default.asp.

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, КАК ОСНОВА НАДЛЕЖАЩЕГО СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Бутко Анастасия Александровна

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Неотъемлемые (естественные) права человека внегосударственны и внациональны, они являются объектом правовой защиты и представляют собой ценность, признаваемую всем мировым сообществом. Конституционная обязанность каждого государства, в том числе и Российской Федерации, заключается в признании, соблюдении и

защите прав и свобод человека и гражданина [1].

Это позволяет утверждать, что правоохранительная деятельность во всей совокупности методов, форм и средств должна быть направлена на достижение главной цели правоохранительной системы государства: обеспече-